

RU

Типология и стилистические функции интертекстуальных включений
в русской детской повести 1920-х гг. (на материале произведения
Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД»)

Лубкина О. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности интертекстуальных связей в русской детской повести 20-х годов XX века на основе построения типологии интертекстуальных включений, выявления стилистических функций цитат, аллюзий и реминисценций, функционирующих в повести Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД». Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлены результаты комплексного исследования реализации интертекстуальности в жанре детской повести, предложена типология интертекстем, обозначается их стилистическая роль, указываются историко-культурные причины формирования интертекстуального поля детской повести 20-х годов XX века. В результате доказано, что в исследованном материале активно функционируют интертекстемы, восходящие к программным внешнеполитическим документам советского правительства, песням торжественного характера, служащим музыкальным символом государства, советским газетам и лозунгам, городским фольклорным текстам, что объясняется их глубокой включенностью в коммуникативное пространство, культуру исследуемого периода. Преемственность русской культуры прослеживается в бытовании интертекстем, восходящих к текстам Ветхого и Нового Заветов, античным мифам и легендам, произведениям устного народного творчества, классической русской и зарубежной литературы.

EN

Typology and stylistic functions of intertextual inclusions
in the Russian children's novella of the 1920s (based on the work
“The Republic of ShKID” by L. Panteleyev and G. Belykh)

Lubkina O. A.

Abstract. The research aims to identify the features of intertextual connections in the Russian children's novella of the 1920s by developing a typology of intertextual inclusions, identifying the stylistic functions of quotations, allusions and reminiscences functioning in the novella “The Republic of ShKID” by L. Panteleyev and G. Belykh. The paper is original in that it is the first to present the results of a comprehensive study of intertextuality implementation in the children's novella genre, to propose a typology of intertextemes, to indicate their stylistic role, to outline the historical and cultural reasons for the formation of the intertextual field of the children's novella in the 1920s. As a result, it has been proved that the intertextemes that go back to the programme foreign policy documents of the Soviet government, songs of a solemn nature serving as a musical symbol of the state, Soviet newspapers and slogans, urban folklore texts actively function in the material under consideration, which is explained by their deep involvement in the communicative space, culture of the period under study. The continuity of Russian culture can be traced in the intertextemes dating back to the texts of the Old and New Testaments, ancient myths and legends, works of oral folk art, classical Russian and foreign literature.

Введение

Интертекстуальность активно изучается философами, филологами и культурологами с конца 60-х годов XX века, однако внимание к данной научной проблеме значительно ранее привлек М. М. Бахтин (1929; 1963) в работе «Проблемы творчества Достоевского», опубликованной в 1929 году и переизданной с дополнениями под названием «Проблемы поэтики Достоевского» в 1963 году. В данной работе М. М. Бахтиным, в частности,

отмечалось: «...существенная диалогичность Достоевского вовсе не исчерпывается теми внешними, композиционно выраженными диалогами, которые ведут его герои. Полифонический роман весь сплошь диалогичен. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены. Ведь диалогические отношения – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» (1963, с. 132). Важными для развития теории интертекстуальности стали мысли М. М. Бахтина о том, что художественный текст – это не только диалог автора, персонажей произведения и читателя, но и диалог со всей современной и предшествующей культурой: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу... этот контакт есть диалогический контакт между текстами...» (1986, с. 384). Впервые высказанные М. М. Бахтиным в конце 20-х годов прошлого столетия мысли о диалогичности послужили основой создания теории интертекстуальности, получившей признание в России и за рубежом.

Европейские ученые, следуя заданному М. М. Бахтиным направлению, стремятся выявить сущность явления интертекстуальности, в частности, специалист по французской литературе XX века Н. Пьеге-Гро дает следующее определение: «Интертекстуальность... это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» (2008, с. 48). Рассуждая о генезисе интертекстуальности, исследователь отмечает: «...ни один текст не может быть написан вне зависимости от того, что было написано прежде него; любой текст несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции» (Пьеге-Гро, 2008, с. 48). В России сегодня теория интертекстуальности активно разрабатывается В. П. Москвиным, сформировавшим понятийный аппарат теории интертекстуальности, рассмотревшим интенциональные, структурные и иные типы интертекстуальности. В. П. Москвин также указал на важный историко-культурный факт, связанный с прецедентностью, которая лежит в основе интертекстуальности: «Понятие прецедентного текста [лат. *textus praecedens* 'предшествующий текст'] традиционно использовалось в христианской экзегезе, один из постулатов которой гласит "*Scripta Sacra sui ipsius interpres*" 'Священное Писание интерпретируется через себя', то есть через собственный предтекст, контекст, ранние издания и оригинал» (2013а, с. 55). Вопросы интертекстуальности также рассматриваются В. П. Москвиным (2013а; 2013б; 2014; 2015б) в таких трудах, как «Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология», «О видах центона и центонном стиле (к типологии жанров и стилей интертекста)», «Аллюзия как фигура интертекста», «Методика интертекстуального анализа».

В настоящее время при лингвистическом изучении художественных, публицистических и иных произведений зачастую в той или иной степени затрагиваются вопросы специфики реализации интертекстуальности. Особый интерес, на наш взгляд, вызывают труды, в которых проявления интертекстуальности рассматриваются в отношении к определенному стилю или жанру. В этой связи можно обратить внимание на труды В. А. Мишланова и В. А. Салимовского, в частности на статью «Диалогичность церковно-религиозных текстов», в которой отмечалось: «...церковный текст интертекстуален: его содержание и тональность (субъективная модальность) определяются текстом Откровения» (2010, с. 25). Нами ранее в соавторстве с А. Н. Смолиной была опубликована статья «Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов», в которой в том числе говорилось: «Анализируя церковно-религиозные тексты различных жанров, например, таких, как проповедь, богословская лекция, духовное письмо, мы приходим к выводам о том, что одна из основных стилистических черт этих текстов, а следовательно, и церковно-религиозного стиля в целом – интертекстуальность. А цитата, аллюзия, реминисценция – ведущие приемы, основные цели использования которых – информирование, убеждение, воспитание» (Смолина, Лубкина, 2012, с. 270). А. Н. Смолиной также была опубликована статья «Интертекстуальность и особенности ее реализации в духовном письме-поучении». К числу главных положений данной статьи можно отнести следующее утверждение: «...интертекстуальность духовного письма-поучения уникальна. Ее феномен заключается в исключительной направленности к текстам, составляющим основной корпус христианского учения, – Священному Писанию, творениям Святых Отцов и учителей Церкви, житиям, литургическому преданию» (Смолина, 2020, с. 49). Развитие мыслей о том, что особая интертекстуальность, восходящая к текстам Нового Завета, святоотеческим трудам, молитвам, житиям и иным христианским текстам, является чертой духовных эпистолярных текстов, а также произведений церковно-религиозного стиля в целом, мы находим в статье А. Н. Смолиной «Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации: типология, функции, контекст»: «...библейские (ветхозаветные и новозаветные), святоотеческие, молитвенные, гимнографические и агиографические цитаты и реминисценции становятся стилистическим маркером духовных эпистолярных текстов, выполняя в них разнообразные функции: смыслообразующую, аргументативную, прескриптивную, оценочную, синдикативную, эстетическую. Выделенные типы интертекстуальных включений в целом характерны для текстов церковно-религиозного стиля, их функционирование становится его чертой» (2022, с. 135-136).

К важным выводам о роли интертекстуальных включений в текстах художественного стиля приходит К. С. Застёла в работе «Интертекстуальность как составляющая художественного текста». Автором, в частности, указывается на то, что фрагменты документов, названия газет и газетных статей, выдержки из них, элементы

рекламы и иные интертекстуальные вставки «предназначены для выполнения в художественном тексте различных функций: воссоздания точности описываемых событий, характеристики героев произведения, создания образа топоса» (Застёла, 2009, с. 199). Кроме того, К. С. Застёлой отмечается, что инотекстовые вставки «создают картину города, помогают лучше понять атмосферу... времени, позволяют читателю окунуться в события реальной действительности» (2009, с. 201).

В центре внимания авторов, изучающих особенности реализации интертекстуальности в различных функциональных стилях и произведениях разных жанров, находятся функции интертекстуальных включений. Так, например, Ю. М. Бокарева в статье «Интертекстуальные отсылки в современной российской прозе для детей и подростков как отражение дихотомии “свое – чужое”» пишет о функциях аллюзий и цитат в современной российской прозе для детей и подростков. В заключении работы исследователь пишет: «На внутритекстовом уровне... интертекстуальные отсылки в произведениях для детей и подростков могут выполнять сюжетобразующую функцию, на метатекстовом – информативную, воспитательную, парольную, эмоционально-экспрессивную и игровую функции» (Бокарева, 2023, с. 137).

Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения особенностей реализации теории интертекстуальности в произведениях различных функциональных стилей русского языка, текстах разных жанров, а также значимостью выявления роли цитат, аллюзий и реминисценций в смыслообразовании и текстообразовании, воплощении идей, авторских замыслов, создании портрета эпохи, отображении действительности и др.; важностью филологического, культурологического, философского изучения произведений детской литературы; существующей потребностью разработки способов историко-филологического анализа текста.

Теоретическое значение исследования состоит в выявлении интертекстуальных связей русской детской повести 20-х годов XX века с античной литературой, текстами Ветхого и Нового Заветов, преданиями и мифами Европы Средних веков, русскими народными сказками, былинным эпосом, русской классической и зарубежной литературой, русским городским фольклором, программными внешнеполитическими документами советского правительства, песнями торжественного характера, служащими музыкальными символами государства («Интернационалом» – официальным гимном СССР с 1922 г. по 1944 г. и др.), советскими газетами и лозунгами, русскими музыкальными произведениями разных эпох. Теоретическое значение представляемой работы видится также в обозначении историко-культурных причин возникновения специфического интертекстуального пространства детской повести в период образования и становления СССР.

Достижение поставленной в работе цели предопределило постановку следующих задач: 1) выявить в произведении Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД» цитаты, аллюзии и реминисценции; 2) обозначить основные функции, которые выполняют в детской повести 20-х годов XX века интертекстуальные включения; 3) определить тексты-первоисточники, к которым восходят выявленные интертекстуальные включения; взяв за основу тексты-первоисточники, создать типологию интертекстуальных включений (с акцентировкой на содержательной составляющей произведений); 4) рассмотреть особенности реализации интертекстуальности в исследуемом материале и причины создания особого интертекстуального рисунка в нем.

При работе с изучаемым материалом в качестве основного использовался метод интертекстуального анализа, особенности которого представлены в трудах В. П. Москвина, а последовательность действий при применении которого должна быть такова: «1. Выявление: а) инотекстовых вкраплений (“инотекстем”, “гетеротекстем”) в анализируемом тексте; б) прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат. <...> 2. Определение фигуры, вводящей инотекстему <...> 3. Определение функций выявленных фигур интертекста <...> 4. определение типа прецедентного текста» (Москвин, 2015b, с. 118). Исследование выполнялось в русле историко-филологического подхода, позволяющего работать со смыслами и языком произведения «в контексте судьбы его автора и исторической ситуации, складывающейся в обществе и государстве на том или ином историческом этапе» (Стрекалов, Емелин, 2017, с. 63-64). Используя метод историко-филологического анализа, мы в том числе руководствовались следующими положениями, представленными в работе Ю. А. Бельчикова «Речевая коммуникация как культурно-исторический и историко-лингвистический фактор функционирования литературного языка»: «Условия социального существования литературного языка – это та “внешняя” социально-культурная или культурно-историческая ситуация, в рамках которой совершается... речевая коммуникация носителей литературного языка. Она по существу определяется условиями социального существования литературного языка. Причем важно иметь в виду, что эти условия рассматриваются в широком историко-культурном аспекте, т. е. учитывается историческое прошлое данного национального общества, существующие традиции, исторически сложившиеся соотношения между основными социально-культурными стратами» (1993, с. 154). Помимо этого, в ходе исследования применялся лингвостилистический метод, направленный на установление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования языковых единиц в различных сферах общения.

Материалом для исследования послужила повесть русских советских писателей Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД», в которой рассказывается о судьбе петроградских беспризорников, учившихся и воспитывавшихся в школе-коммуне имени Достоевского для трудновоспитуемых подростков (ШКИД).

Справочные материалы:

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986.

Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. М.: АСТ, 2018.

Бескровный Л. Г. Хрестоматия по русской военной истории. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1947.

Бирих А. К., Мокиенко В. М. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005.

Валк С. Н., Обичкин Г. Д., Гапоненко Л. С. Декреты советской власти: в 2-х т. М., 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.

Гейне Г. Собрание сочинений: в 10-ти томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 1. Книга песен, трагедии, ранние стихотворения.

Гоголь Н. В. Ревизор: комедия в пяти действиях. М.: Детская литература, 1980.

Гозенпуд А. А. Оперный словарь. М.: Музыка, 1965.

Дойл К. А. Рассказы о Шерлоке Холмсе. М.: Пушкинская библиотека; АСТ; АСТ Москва, 2007.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. М.: Эксмо, 2006.

Лебина Н. Б. СССР в 1920-е годы: гангстеры, пижоны и «незаметные герои» // Теория моды: одежда, тело, культура. 2019. № 54.

Ленин В. И. Декреты советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1.

Морозов Н. Мой костер: старинные романсы, исполнявшиеся цыганами. М.: Советский композитор, 1992.

Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева / вступ. ст. В. П. Аникина. М.: Правда, 1982.

Оливье Ж. Мифы и легенды Европы. Легенды минувших веков в пересказе для детей. Саратов: Надежда, 1994.

Потье Э. Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950.

Рогова О. И. Русские богатыри, избранные былины. СПб.: Издание Девриена, 1898.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1968. Т. 4. Повести и рассказы (1925-1928). Гиперболоид инженера Гарина. Роман.

Циркин Ю. Б. Мифы древнего Рима. М.: Астрель, 2000.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014.

Решению поставленных задач способствовало изучение теоретических источников, в частности трудов, посвященных истории изучаемой эпохи и истории русского литературного языка (Бельчиков, 1993; Горшков, 1965; Спицын, 2015; Войлова, Леденева, 2023), изучению теории интертекстуальности, реализации интертекстуальности в текстах разных функциональных стилей русского языка (Бахтин, 1963; Пьеге-Гро, 2008; Застёла, 2009; Москвин, 2015а; Мишланов, Салимовский, 2010; Смолина, 2020; 2022; Смолина, Лубкина, 2012; Бокарева, 2023).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании таких учебных курсов, как «История русской литературы XX века», «Детская литература», «Основы филологии», «История русского литературного языка», «Стилистика русского языка», «Филологический анализ текста», «Культура русской речи».

Обсуждение и результаты

Приемы интертекстуальности и их функции в детской повести 20-х годов XX века

Основными формами реализации интертекстуальности в автобиографической повести Л. Пантелеева и Г. Белых являются цитата, аллюзия и реминисценция. Одним из наиболее частотных интертекстуальных приемов становится цитата – «дословное воспроизведение чужой речи (чаще ее фрагмента – комплекса предложений, предложения, реже – словосочетания или слова); в письменной речи формально выделенной специальными маркерами (кавычками, курсивом), в устной речи – интонацией; обычно сопровождаемой указанием на источник и/или автора» (Эффективное речевое общение..., 2014, с. 733). Цитаты в текстах изучаемой повести обычно выполняют такие функции, как изобразительная (создания конкретных представлений о явлениях), синдикативная (сближения автора и адресата, укрепления общности между ними), смыслообразующая (порождения, формирования смыслов), эстетическая (создания выразительного и эстетически привлекательного текста, пробуждения эстетических чувств), например, как в следующем отрезке текста: – *Спойте что-нибудь из оперы, – раздалась нетерпеливые голоса. / – Арию какую-нибудь! / – Арию! Арию! / – Ну, хорошо. Арию так арию. Я спою арию Ленского из оперы «Евгений Онегин». Ладно? / – Валите, пойте! / – Даешь! Чего там. / Пал Ваньч откашлялся и запел вполголоса: / **Куда, куда, куда вы удалились, / Весны моей золотые дни? / Что день грядущий мне готовит...** (Белых, Пантелеев, 2018, с. 76). Цитата, обращающая читателя к либретто оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского и, конечно же, к известному роману в стихах А. С. Пушкина, несомненно, способствует усилению общей экспрессии текста, повышает его художественно-эстетическую ценность, способствует созданию образности; использование данной цитаты в диалоге героев описываемой авторами эпохи дает читателю возможность сделать вывод о том, что текст произведения и процитированный из него отрывок были общеизвестными в начале XX века, являлись знаковыми и легко воспроизводимыми элементами русской советской культуры. Частотно также использование реминисценции, которая обычно выполняет те же функции, что и цитата; однако в силу своей лингвистической природы этот прием может выполнять и иные функции.*

Реминисценция – «стилистический прием... состоящий во включении в речь (текст) хорошо узнаваемого (иногда – частично видоизмененного) прецедентного текста или его фрагмента – без графического выделения и упоминания его автора и названия» (Эффективное речевое общение..., 2014, с. 519). Отличаясь от цитаты отсутствием маркеров чужой речи, реминисценция способна привлекать к себе большее внимание, в некоторых случаях она требует определенных усилий по узнаванию, мыслительного поиска, что дает возможность говорить о выполнении реминисценцией эвристической функции (решения творческих и познавательных задач, поиска при решении интеллектуальных вопросов), а также познавательной функции. Помимо этого, реминисценция может выполнять в определенных контекстах, взаимодействуя с другими средствами языка, и людическую (игровую) функцию. Реминисценции, используемые Л. Пантелеевым и Г. Белых в «Республике ШКИД», зачастую восходят к текстам, достаточно известным как самим героям, так и большей части читателей, носителей русского языка, поэтому, как и цитаты, реминисценции, несомненно, выполняют синдикативную функцию; их включение в повествование способствует усилению общей выразительности текста, выдвиганию значимых для отображения событий, передачи характера отношений между героями отрезков речи: *Янкель, забравшись на кровать, глупо улыбался и пел: «Шинель английский, / Табак японский, / Ах, шарабан мой...». На радостях даже не заметили, что на подоконнике притулилась лишняя пачка, пока Цыган не обратил внимания* (2018, с. 46).

Аллюзия зачастую используется с теми же стилистическими заданиями, что и цитата с реминисценцией, в таких же стилистических функциях. Однако об отдельных функциях аллюзии, выполнение которых наблюдается в повести «Республика ШКИД», можно сказать подробнее. В частности, можно отметить, что аллюзия используется как средство когезии, служит созданию целостности и единства художественного произведения, организации текста в семантическое целое, введению нового мотива, новой темы, подытоживанию того, что было сказано ранее, оформлению границ. Приведем пример, в котором аллюзия выступает именно в такой функции. В подзаголовке одной из глав («Саша Пыльников») имеются пояснения, касающиеся содержания главы. Аллюзия на Евангелие от Мефодия, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки (Мф. 8:2-4; Мк. 1:40-45; Лк. 5:12-16), наблюдающаяся в подзаголовке, становится, с одной стороны, средством когезии, с другой – средством информирования: *Косталмед действует. – На гимнастику, живо! – Исцеление прокаженных. – «Альте камераден». – Миллеровская гимнастика. Манна небесная на классной печке. – Парень с бабьим лицом. – Туфля. – Жест налетчика. – Недотыкомка* (Белых, Пантелеев, 2018, с. 226). Приведенный пример позволяет нам говорить и о том, что аллюзия, как и цитата и реминисценция, выполняет социокультурную функцию (приобщения к культурным ценностям общества): введение цитат, аллюзий и реминисценций в авторское повествование или описание, или рассуждение способствует включению читателя в социокультурное пространство, закреплению в его сознании текстов, содержащих культурноносные смыслы (в тех случаях, когда интертексты обращают читателя к действительно значимым произведениям мировой литературы). В том случае, если интертекстуальное включение отсылает к значимому литературному произведению, обладающему высокой художественной ценностью, и сам отрезок текста с точки зрения языка и стиля, общей эстетичности является образцовым, можно говорить о том, что цитата, аллюзия или реминисценция выполняют еще и орнаментальную функцию. Например, как в следующем отрезке текста, содержащем строки из стихотворения Г. Гейне «Лорелея»: *Костя любил только Гейне и сквер у Калинкина моста. <...> Стоило только Костиным глазам скользнуть по первым строчкам, как все окружающее мгновенно исчезало и вставал новый, невиданный мир, играющий яркими цветами и красками. Костя поднимал голову и, глядя на темнеющую за решеткой Фонтанку, вдохновенно декламировал: «Воздух свеж, кругом темнеет, / И спокойно Рейн бежит, / И вечерний отблеск солнца / Гор вершины золотит... <...> / На скале высокой села / Дева – чудная краса»* (Белых, Пантелеев, 2018, с. 292-293). Цитата из стихотворения Г. Гейне также играет значимую роль в смыслообразовании и сюжетообразовании, она является структурным элементом эпизода, в котором повествуется о влюбленности героя. С помощью поэтической вставки авторы рисуют возвышенный образ героини – девушки, в которую влюбляется Костя, наблюдая за ней издали. Герой не знает имени девушки, а из-за недостатков зрения не видит лица: с большого расстояния ему кажется, что у девушки прекрасные золотистые волосы, как у Лорелеи, героини европейского мифа – русалки, завлекающей моряков (Оливье, 1994, с. 123). Влюбившись в девушку, Костя ищет встреч с ней, но не решается подойти, ходит в сквер, наблюдая и оставаясь на расстоянии. В один из дней он все-таки решается приблизиться. Увидев девушку вблизи, герой сначала останавливается в нерешительности, потом цепенеет и застывает от ужаса, настолько его поражает несоответствие нарисованного его воображением образа и той картины, которую он видит в реальности: *Костя в безмолвном ужасе попятился. Он впервые увидел близко Лорелею, о которой так пламенно мечтал долгими бессонными ночами. Но что это за Лорелея! На него глянуло тупое раскрасневшееся лицо, изрытое оспой и окруженное рыжими растрепанными волосами. В довершение всего от этой особы исходил густой запах спирта* (Белых, Пантелеев, 2018, с. 298). В рассказе о влюбленности Кости в «Лорелею» интертекстема наряду с другими средствами участвует в создании эффекта обманутого ожидания, также выполняя функции ретардации (оттягивания кульминационного момента / развязки), создания эмоционального напряжения.

Типология интертекстуальных включений, функционирующих в детской повести 20-х годов XX века

За основу типологии интертекстуальных включений, функционирующих в исследуемых текстах, были взяты тексты-первоисточники (с их содержательной составляющей), к которым наиболее часто делается

отсылка авторами текста повести «Республика ШКИД». На наш взгляд, по тексту анализируемой повести можно судить об источниках интертекстуальности детской повести 20-х годов XX века в целом, поскольку в указанные годы активно менялся язык, происходили трансформации, которые отражались в текстах различных функциональных стилей и их жанров. Е. А. Сальман при освещении проблем изучения специфики языка эпохи 20-х годов XX века в части словарного состава и изменений в лексике пишет, например, о таких процессах: «1) возникновение новых слов, описывающих изменившуюся действительность: новые русские слова (*красноармеец, выдвиженец, беженец, колчаковщина, советский* и др.); заимствования (*спекулянт, трибунал, танк* и др.); заимствованные слова с русскими аффиксами (*спартаковец, соделегат* и т. п.); русские слова с заимствованными аффиксами (*большевизм, советизация* и т. д.); 2) исчезновение из употребления определенной группы слов (например, *городовой, полиция, земство, дворянин*...); 3) изменение семантики старых слов, появление семантических неологизмов (*совет, партийный, сокращение*...); 4) расширение сферы функционирования лексики политического (например, *демонстрация, манифестация, революция, агитация, митинг, мандат, депутат*...) и военного словаря (например, *фронт, тыл, плацдарм, позиции* и т. п.); 5) распространение аббревиатур (*земгор, земсоюз, крайсовет, наркомпрод*...)» (2012, с. 9-10). В эпоху 20-х годов XX века на первый план в коммуникативном пространстве выходили агитационные тексты, газетная публицистика, тексты различных нормативно-правовых актов. Здесь можно вспомнить строки из произведения А. Н. Толстого «Гадюка»: «...неистойвой яростью дышали слова декретов – белых афишек, пестревших всюду, куда ни покосись прохожий» (1968, с. 185). Тексты различных декретов и иных программных документов советского правительства плотно вплетались в языковую ткань, и, несомненно, они входили и в различные жанры литературы, в том числе в детскую школьную повесть. Бесспорным можно считать и тот факт, что тексты произведений, адресованных детям, содержали отсылки к произведениям литературы, которая изучается в школе (пословицам, поговоркам, былинам, сказкам и другим жанрам устного народного творчества, произведениям русской зарубежной классики). Детская школьная повесть «Республика ШКИД» в полной мере отражает как изменения, происходившие в языке 20-х годов XX века, в том числе в части интертекстуальной составляющей, так и сохраняющиеся традиции интертекстуального взаимодействия, выражающиеся в высокой частоте обращения к текстам, входящим в основной корпус отечественного письменного наследия.

Представим в форме таблицы репертуар прецедентных текстов, используемых авторами детской школьной повести 20-х годов XX века (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Прецедентные тексты в школьной повести 20-х годов XX века

Текст-источник	Иллюстрации из повести «Республика ШКИД»
Ветхий и Новый Заветы	<i>Шум и гам поднимались необыкновенные. <...> С набитыми ртами, размахивая толстыми, двухэтажными бутербродами, старшие наперебой восхваляли Слаенова. / – Бог! Божок! – надрылся Японец, хлопая Слаенова по жирному плечу. – Божок наш! Телец золотой, румяненский, толстенький! (Белых, Пантелеев, 2018, с. 112). Источник интертекстуальности – Ветхий Завет (книга Исход, глава 32, стих 4).</i>
Античные тексты (мифы и легенды)	<i>Новичок Ельховский – Саша Пыльников – придумал новую игру-рулетку, или «колесо фортуны». Пантелеев, имевший по прошлому знакомство с марафетными играми, научил товарищей играть в «кручу-верчу» и «наперсточек» (Белых, Пантелеев, 2018, с. 265). Источник интертекстуальности – древнеримский миф о Фортуне (Циркин, 2000, с. 159).</i>
Русские сказки	<i>До того сжился с кузницей Гришка, что даже ночевать стал вместе с подмастерьями. Летом заберутся в карету непочиненную – усядутся. Уютно, хорошо, потом подмастерья рассказывают страшные сказки – про чертей, мертвецов... (Белых, Пантелеев, 2018, с. 35). Источники интертекстуальности – русские народные сказки, например «Правда и кривда», «Беглый солдат и черт», «Рассказы о ведьмах» и другие (Народные русские сказки..., 1982, с. 115, 179, 482).</i>
Латинские тексты первых веков нашей эры и эпохи Средневековья	<i>Рисунок герба изображал разбитое стекло, из которого просовывался толстенный кулак. Под гербом стоял девиз: «In Busa Veritas» – «Истина в Бузе» (Белых, Пантелеев, 2018, с. 242). Источник интертекстуальности – изречение Плиния Старшего в «Естественной истории» (Бирих, Мокиенко, 2005, с. 274).</i>
Былинный эпос	<i>Халдей оторопел, дернулся было в расчете поймать виновника, но, вспомнив, что бузит не один, а все, сдержался и ограничился предупреждением: / – Если это повторится, весь класс накажу. / В ответ послышалось дружное ржание всех присутствующих: / – О-го-го! Аника-воин! / – Подожди. Заработаешь! (Белых, Пантелеев, 2018, с. 139). Источник интертекстуальности – былина об Анике Воине (Рогова, 1898, с. 154).</i>
Русское оперное искусство	<i>Слаенова подхватывали на руки присутствовавшие тут же младшие и носили его по классу, а старшие, подняв швабры – опახала – над головой ростовщика, ходили за ним и ревели дикими голосами: «Славься ты, славься, / Наш золотой телец! / Славься ты, славься, / Слаенов-молодец!...» (Белых, Пантелеев, 2018, с. 112). Источник интертекстуальности – либретто Е. Ф. Розена к опере М. И. Глинки «Иван Сусанин» (Гозенпуд, 1965, с. 164).</i>
Художественные произведения русской литературы Нового и Новейшего времени	<i>Громоносцев молчал, но лицо его темнело всё больше и больше. Узенькие ноздри раздулись, и вдруг он, обернувшись к Слаенову, скверно выругался: / – Ты что же это?.. Думаешь, я держиморда или вышибала какой? Я вовсе не обязан ходить и защищать твою поганую морду, а если ты ещё раз обратишься ко мне, я тебя сам проучу! (Белых, Пантелеев, 2018, с. 123). Источник интертекстуальности – комедия Н. В. Гоголя (1980) «Ревизор».</i>

Текст-источник	Иллюстрации из повести «Республика ШКИД»
Европейские мифологические тексты	<i>Костя жадно глядел вдаль, стараясь разглядеть в тумане эту скалу, и искал глазами Лорелею, золотую и прекрасную. Искал долго и упорно, затаив дыхание. Но Лорелеи не было. На набережной слышался грохот телег, ругались извозчики. <...> И вдруг однажды он увидел Лорелею. Она шла от Калинкина моста прямо к скверу, где сидел Костя. Легкий ветерок трепал ее пышные золотые волосы, и они вспыхивали яркими искорками в свете заходящего солнца</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 293-294). Источник интертекстуальности – германский миф о Лорелее (Оливье, 1994, с. 123).
Художественные произведения зарубежной литературы Нового и Новейшего времени	<i>Викниксор закрыл дверь и повернулся к новенькому, который по-прежнему шмыгал носом и вытирал рукавом окровавленное лицо. Викниксор, как заядлый Шерлок Холмс, решил с места в карьер озорно воспитанника. / – За что тебя били товарищи? – спросил он, впиваясь глазами в Ленкино лицо. / Ленка не ответил. / – Ты что молчишь? Кажется, я тебя спрашиваю: за что тебя били в классе? / Викниксор еще пристальнее взглянул новенькому в глаза: / – За лепешки, да? / – Да, – пробурчал Ленка</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 193). Источник интертекстуальности – «Записки о Шерлоке Холмсе» А. К. Дойла (2007).
Крылатые выражения, бытующие в европейской и русской культурах	<i>– Нечего хвастаться своей гуманностью, хорошим отношением к новичкам, когда сами их бьете... Разве не правда? Никто не ответил. Все молчали, молчание же, как известно, служит знаком согласия</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 233). Источник интертекстуальности – ставшее пословицей изречение, приписываемое папе Бонифацию VIII, который употребил его «в одном из посланий, вошедших в каноническое право» (Бирих, Мокиенко, 2005, с. 444). Как крылатое выражение изречение представлено в книге «Крылатые слова» Н. С. Ашукиной и М. Г. Ашукиной (1986, с. 387).
Русские пословицы и поговорки	<i>Школа наша состоит из вас, воспитанников, как подсолнух состоит из тысячи семян. Вы тянетесь к свету, потому что вы учитесь, а ученье – свет. Подсолнух тоже тянется к свету, к солнцу, – и этим вы похожи на него</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 33). Источник интертекстуальности – русская народная пословица «Ученье свет, а неученье – тьма» (Снегирев, 2014, с. 313).
Русские фразеологизмы	<i>Бывали минуты, когда хладнокровие покидало нового воспитателя, тогда он резко оборачивался к изводившему его, но тут же брал себя в руки, усмехался и грозил пальцем: – Ты смотри у меня, гусь лапчатый...</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 90). Источник интертекстуальности – фразеологизм, используемый по отношению к человеку, воспринимаемому как «пройдоха, ловкач, которому все сходит с рук» (Бирих, Мокиенко, 2005, с. 172).
Культурно-исторические факты/явления	<i>Третьеклассник Бобер, случайно затесавшийся на банкет, начинает тихо мурлыкать «Яблочко»: «Эх яблочко на подоконничке, / В Петрограде появились покойнички»</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 170). Источник интертекстуальности – события, связанные с деятельностью преступной группы «попрыгунчиков» (Лебина, 2019, с. 235), также называемых «покойнички» и «живые покойники» (основатель группы – И. Бальгаузен).
Малые жанры русского городского фольклора XIX-XX веков	<i>Товарищи в сопровождении Викниксора и незнакомца с бабым лицом поднялись вверх. В гимнастическом зале ребята опять маршировали. Бессовестин играл марш на мотив известной песни: «По улицам ходила / Большая крокодила, / Она, она / Голодная была. <...> / Увидела француза, / И хватя его за пузо, – / Она, она / Голодная была»</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 231). Источник интертекстуальности – городская фольклорная песня «Крокодила», популярная в Петрограде 1910-х годов (Душенко, 2006, с. 171).
Русский романс	<i>На камчатке Янкель, наслушавшись Цыгана, замечтался и гнусавит в нос романс: «Очи черные, очи красные, / Очи жгучие и прекрасные». / – Черных, к доске! / «Как люблю я вас...» / – Черных, к доске!</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 282). Источник интертекстуальности – романс Е. Гребенки «Очи черные» (Морозов, 1992, с. 24).
Государственные гимны	Власть народу <i>Вечер в Шкиде. – Тихие радости. – В погоне за крысой. – Танцкласс. Власть народу.</i> <...> <i>Наша школа – республика, но в республике всегда власть в руках народа. У нас же до сих пор этого не было. Мы имели, с одной стороны, воспитанников, с другой стороны – воспитателей, которыми руководил я. Этим, так сказать, нарушалась наша негласная конституция</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 92, 97). Источник интертекстуальности – текст «Интернационала» Э. Потье (1950, с. 101). Фразеологизированное выражение «власть народу» также встречается в социально-политических работах разных авторов, в частности В. И. Ленина (Валк, Обичкин, Гапоненко, 1957).
Советские лозунги 20-х годов	<i>В Бузе обретёшь ты право своё! Да здравствует и живёт в веках Улиганская Империя!</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 244). Источник интертекстуальности – статьи в советских газетах, советские плакаты 10-х – 20-х годов XX века, в частности плакат «Да здравствует авангард революции – Красный флот» (1919-1920 годы). Художник – В. В. Лебедев.
Советские газеты 20-х годов	<i>Г. Черных и Л. Пантелеев изобрели новый легкий способ изготовления клише для постоянных заголовков и виньеток из дерева. Способ прост и доступен каждому. Берется гладкая деревянная дощечка, и на ней ножом вырезается нужная фигура, затем ее смазывают чернилами и печатают. Новые клише уже с успехом применяются для заголовков в издательстве «Комар» и для объявлений в нашем журнале</i> (Белых, Пантелеев, 2018, с. 212). Источник интертекстуальности – газеты 20-х годов XX века. Корреляция с газетами наблюдается в использовании газетных клише и характерных для языка газеты синтаксических конструкций. В качестве претекстового источника к приведенному примеру можно рассматривать тексты газет второй половины 10-х – начала 20-х годов, в частности газету «Вечернее время» (выпуск от 7 октября (24 сентября) 1919 года).

Текст-источник	Иллюстрации из повести «Республика ШКИД»
Первые декреты советской власти	<p>ПРИКАЗ № 1 НАРОДНОГО КОМИССАРА ВОЕННЫХ И МОРСКИХ ДЕЛ Наркомвоенмор сообщает гражданам Империи, что всецельной империи Улигании объявлена война халдеями. Улигания должна с честью выйти из этой войны. <...> Наркомвоенмор Г. Янкель (Белых, Пантелеев, 2018, с. 244). Источник интертекстуальности – декреты советской власти, Приказ по министерству финансов (Ленин, 1957, с. 31).</p>
Жанры административного делопроизводства	<p>Наместники уехали. Через некоторое время от них получилось сообщение, что мобилизацию удалось провести не самым лучшим образом: «В Кипчакии положение с призывом ужасное, – писал наместник Курочка, – мобилизуемые дезертируют из частей или же просто не являются на призыв. Из собранных 23 человек только 10 являются надежными на случай сражения с врагами» (Белых, Пантелеев, 2018, с. 245). Источник интертекстуальности – делопроизводственные тексты; в качестве источника интертекстуальности данного примера можно, в частности, рассматривать рапорт командующего маньчжурской армией наместнику на Дальнем Востоке генерал-адъютанту Алексееву от 8 сентября 1904 года, № 24, гор. Мукден (Бескровный, 1947, с. 589).</p>

Интертекстуальное пространство 20-х годов XX века, в частности детской школьной прозы, специфично тем, что в нем соединяются отсылки к претекстам устного народного творчества, античной, латинской средневековой, русской и зарубежной классической литературы и современной авторам публицистической, художественной словесности, произведениям официально-деловой речи, русского городского фольклора первых двух десятилетий XX века. Богатство и разнообразие интертекстуального поля исследованной повести «Республика ШКИД» обусловлено, с одной стороны, глобальными общественно-политическими изменениями, происходившими в России, а затем в СССР в годы создания произведения и в годы, предшествовавшие его написанию (смена общественно-политической формации, трансформация института собственности, общественных условий жизни и социально-политического устройства общества, приведшие к появлению новых основных законов государства, программных внешнеполитических документов и, как следствие, – к заполнению коммуникативного пространства новыми текстами и их элементами – Декрета о мире, Декрета о земле, Конституции 1924 года и других), с другой стороны, сохранением значимых традиций, в частности образовательных (изучение в школах произведений русской и зарубежной классической литературы (Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, У. Шекспира, Ж.-Б. Мольера, Д. Г. Байрона, Г. Гейне и других)). Еще один фактор, оказавший большое влияние на формирование интертекстуальных связей русской детской школьной повести 20-х годов XX века, – это беспризорность. После Первой мировой войны и Гражданской войны 1917-1922 годов резко увеличилось количество беспризорников. Решение этой социальной проблемы стало для руководства СССР одной из основных задач. «27 января 1921 года Президиум ВЦИК издал постановление об образовании “Комиссии по улучшению жизни детей”, председателем которой был избран Ф. Э. Дзержинский <...> Была заложена основа успешной воспитательной доктрины Советского Союза 1920-1940 годов. Основу этой доктрины заложил Ф. Э. Дзержинский и педагоги З. П. Соловьев и А. С. Макаренко», – отмечает И. Н. Войткевич (2012, с. 443) в статье «История беспризорности в России в 20-е годы XX века». К 1925 году в РСФСР было уже более 280 детских домов, 420 трудовых коммун и 880 «детских городков» (Войткевич, 2012, с. 443). И. Н. Войткевич также пишет о том, что повесть «Республика ШКИД» является одной из наиболее ярких с точки зрения отражения в художественном тексте послереволюционной эпохи, общественно-политических сдвигов, беспризорности в 20-годы XX века, наряду с этим автором упоминаются произведения А. В. Кожевникова, Л. Тэйн и других писателей.

Авторы повести были воспитанниками одной из коммун для трудновоспитуемых подростков. В написанном ими тексте в полной мере отражены особенности речи беспризорников эпохи, начавшейся после Революции 1917 года и продолжавшейся вплоть до завершения Гражданской войны в 1922 году и далее – во время проведения новой экономической политики (годы обучения авторов в школе-коммуне: Г. Белых – 1921-1924, Л. Пантелеев – 1921-1923 (Путилова, 1986, с. 17, 21)). Особенности речи беспризорников показываются, в частности, через использование особых текстов – произведений городского фольклора. Интертекстуальная составляющая, которая обращает читателя к популярным в среде беспризорников песням (*По приютам я с детства скитался, / Не имея родного угла. / Ах, зачем я на свет появился, / Ах, зачем меня мать родила...* и другим), является яркой чертой как интертекстуального пространства повести, так и языка произведения в целом, а также прозы о детях 20-х годов XX века, создаваемой в эти годы. Сочетание интертекстуальных включений из ветхозаветных и новозаветных произведений (Закон Божий преподавался в Российской империи, поэтому библейские тексты были знакомы многим авторам 20-х годов), произведений античной литературы, повестей, романов, пьес Нового и Новейшего времени, нормативно-правовых актов, делопроизводственных документов, городских фольклорных песен, музыкальных классических произведений и других источников создает уникальность детской прозы исследуемого периода. Интертекстуальная насыщенность говорит о том, что авторы были включены в культурное пространство своей страны и ее традиции, в городскую жизнь, в том числе и в жизнь беспризорников; о том, что в школах преподаватели уделяли большое внимание воспитанию и образованию детей и что сами дети интересовались общественно-политической жизнью страны, занимали активную гражданскую позицию, стремились к получению новых знаний и думали о будущем своего государства, пытаясь найти свое место в строительстве нового общества.

Особое внимание обращает на себя то, что учащиеся школы-коммуны, стремясь найти себя в меняющейся действительности, следили за происходящим в стране и в мире, интересовались геополитикой, что представлено, например, в тех главах, где идет речь об издании школьниками собственных газет и журналов. Эти главы показывают читателю важную интертекстуальную составляющую произведения – реминисценции из газет и журналов 20-х годов XX века. Здесь следует заострить внимание на еще одном значимом для понимания природы интертекстуальности произведения «Республика ШКИД» моменте – роли педагогов в формировании культуры воспитанников и, соответственно, их читательского багажа, художественно-эстетического тезауруса, обнаруживающих себя в речи и тексте исследуемого произведения. Оригинальную и эффективную систему воспитания трудных подростков-сирот на основе развития их творческих способностей создал В. Н. Сорока-Росинский – российский педагог, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1920-1925 годах возглавлявший Петроградский отдел народно-индивидуального воспитания им. Ф. М. Достоевского для трудновоспитуемых (школа-коммуна им. Ф. М. Достоевского). В. Н. Сорока-Росинский, считавший, что главным направлением школьного воспитания должно быть «смещение акцентов и приоритетов человека с личных, эгоцентричных ценностей на решение задач национального и гражданского воспитания, формирование личности с заданными качествами, “человека-практика”» (Музыка, 2019, с. 215), и указывавший на то, что средствами воспитания должны быть в том числе и «труд, традиции, а также облагораживающее педагогическое воздействие русской культуры» (Музыка, 2019, с. 218), создал в школе-коммуне условия, которые способствовали эффективному усвоению знаний, развитию творческих способностей, духовных и нравственных начал, совершенствованию устной и письменной речи воспитанников.

Содержательная составляющая интертекстуальных включений в детской повести 20-х годов XX века весьма разнопланова. Если говорить об интертекстемах, обращая к произведениям художественной литературы, то в основном содержание касается государственных событий (например, отсылка к «Борису Годунову» А. С. Пушкина), отношений между людьми, в частности самоутверждения, проявления насилия (например, отсылка к «Ревизору» Н. В. Гоголя), соблюдения нравственных норм, ответственности за свои поступки (отсылка к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского), женской красоты, великолепия природы (отсылка к стихотворению Г. Гейне «Лорелея»), материнской любви (отсылка к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня») и др. Кроме того, содержательная составляющая интертекстуальных включений определяется присутствием в повести обращений к текстам городского фольклора, в котором часто реализуется криминальная тематика, например, как в интертексте: *Цыпленок жареный, / Цыпленок пареный / Пошел по Невскому гулять. / Его поймали, арестовали...* (из песни Я. П. Ядова) – или в интертексте: *Идет мой милый с города пьяный, / Стук-стук в окошко, я, твой коханий...* (автор песни неизвестен). Присутствуют в повести и отсылки к текстам городского фольклора с иной тематикой, например любви и женитьбы, как в интертексте: *Пощи жену в медичках, / Они тоненьки, как спички, / Но зато резвы, как птички. / Все женитесь на медичках. / Э-эх, труля-ля... / Все женитесь на медичках...* (из русской студенческой песни конца XIX – начала XX века).

Содержательное наполнение интертекстуального пласта текста детской повести 20-х годов XX века существенным образом отличается от иных текстов. Здесь наиболее яркой будет параллель с текстами церковно-религиозного стиля, интертекстуальное поле которых организовано в основном произведениями с христианским, в частности православно-исихастским, содержанием (формируемым Ветхим и Новым Заветом, святоотеческими трудами, произведениями церковных писателей Нового времени), о чем говорится в диссертационной работе А. Н. Смолиной «Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет»: «Влияние философии исихазма на речевую практику писателей-монахов обнаруживает себя в лексическом воплощении исихастских идей, активном использовании слов и сверхсловных единиц, обслуживающих предметную область исихазма... молитвенных, ветхозаветных, новозаветных и святоотеческих интертекстом» (2021, с. 486). Отдельные же церковно-религиозные жанры отличаются еще более замкнутой интертекстуальностью. В статье А. Н. Смолиной и Е. С. Смирнова «Речевой жанр “толкование на Евангелие”: идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Гладкова)» говорится о том, что к наиболее важным чертам толкования на Евангелие «следует отнести евангельскую интертекстуальность (текст целиком строится на основе Евангелия)» (2023, с. 127).

Заключение

В ходе проведенного исследования мы пришли к ряду выводов, о которых будет сказано далее.

Цитаты, аллюзии и реминисценции, функционирующие в детской повести 20-х годов XX века, а именно в произведении Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД», восходят к следующим источникам: Ветхий Завет, Новый Завет, античные тексты (мифы и легенды), русские сказки, былины, русские пословицы и поговорки, латинские тексты первых веков нашей эры и Средневековья, оперные либретто, художественные произведения русской литературы Нового и Новейшего времени, европейские мифологические тексты, художественные произведения зарубежной литературы Нового и Новейшего времени, крылатые выражения, бытующие в европейской и русской культурах, культурно-исторические факты/явления, тексты, относящиеся к малым жанрам русского городского фольклора XIX-XX веков, русские романсы, государственные гимны, советские лозунги 20-х годов, первые декреты советской власти, советские газеты 20-х годов, тексты, относящиеся к жанрам административного делопроизводства.

Функции, в которых могут выступать интертекстуальные включения в детской повести 20-х годов XX века, таковы: эстетическая (создания выразительного и эстетически привлекательного текста, пробуждения эстетических чувств); изобразительная (создания конкретных представлений о явлениях); синдикативная (сближения автора и адресата, укрепления общности между ними); смыслообразующая (порождения, формирования смыслов); эвристическая (решения творческих и познавательных задач, поиска при решении интеллектуальных вопросов); познавательная; ludическая (игровая); усилительная (усиления общей выразительности текста); выделительная (выдвижения значимых для отображения событий, передачи характера отношений между героями отрезков речи); когезивная (создания целостности и единства художественного произведения, введения новых мотивов, тем, подытоживания сказанного ранее, оформления границ); информативная (выдвижения/донесения содержательно-фактуальной/содержательно-концептуальной/содержательно-подтекстовой информации, обеспечения передачи социального опыта); социокультурная (приобщения к культурным ценностям общества); орнаментальная; сюжетообразующая, создания эффекта обманутого ожидания; ретардации (оттягивания кульминационного момента / развязки), создания эмоционального напряжения.

Отличительной чертой реализации интертекстуальности в русской детской повести 20-х годов XX века является ее ярко выраженный претекстовый синтетизм, проявляющийся в том, что в рамках произведения как тексты-источники в форме цитат, аллюзий и реминисценций проявляют себя культурные прецеденты разных эпох, культурных сфер, содержательного наполнения. Конечно, существуют произведения, которым также свойственен претекстовый синтетизм, однако в русской детской повести 20-х годов XX века многовекторность интертекстуальных связей проявляется отчетливее, чем во многих других текстах, в том числе и современных. Объясняется этот факт вовлеченностью авторов в разные формы современной им культуры, а также в культурное пространство прошлого, особым образом жизни, кругом общения, в случае с повестью «Республика ШКИД» – также и серьезными усилиями преподавателей по воспитанию, в том числе и духовному, нравственному, своих учеников; помимо этого, общественно-политическими условиями, вызвавшими к жизни большое количество текстов, которые активно входили в разные сферы деятельности человека эпохи послереволюционных событий. Высокая частотность использования реминисценций из текстов, относящихся к русскому городскому фольклору, связана с беспризорным прошлым авторов исследованного текста, их вовлеченностью в уличную культуру. К особенностям реализации интертекстуальности в исследованном материале следует также отнести частотность отсылок к произведениям русской литературы – произведениям А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и других авторов, что объясняется освоением авторами учебной программы по литературе.

Перспективы исследования связываются с дальнейшим изучением реализации интертекстуальности в русской детской повести XX века, а также с рассмотрением вопросов, касающихся жанровых особенностей детской повести, в частности таких ее типов, как школьная повесть и повесть-сказка, исследованием факторов, способствовавших развитию жанра детской повести в русской литературе XX века.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. Бельчиков Ю. А. Речевая коммуникация как культурно-исторический и историко-лингвистический фактор функционирования литературного языка // *Stylistyka. Opole*, 1993. Т. II. *Przemiany stylistowe*.
5. Бокарева Ю. М. Интертекстуальные отсылки в современной российской прозе для детей и подростков как отражение дихотомии «свое – чужое» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. Вып. 1.
6. Войлова К. А., Леденева В. В. История русского литературного языка. М.: Юрайт, 2023.
7. Войткевич И. Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 2.
8. Горшков А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1965.
9. Застёла К. С. Интертекстуальность как составляющая художественного текста // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 110.
10. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. № 6 (12).
11. Москвин В. П. Аллюзия как фигура интертекста // *Грани познания*. 2014. № 1 (28).
12. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013а. № 6 (81).
13. Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2015а.
14. Москвин В. П. Методика интертекстуального анализа // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015b. № 3 (98).
15. Москвин В. П. О видах центона и центонном стиле (к типологии жанров и стилей интертекста) // *Грани познания*. 2013b. № 2 (22).
16. Музыка Ю. В. В. Н. Сорока-Росинский о воспитании детей в условиях социального кризиса начала XX века // *Психолого-педагогический вестник*. 2019. № 1 (49).
17. Путилова Е. О. ...Началось в республике ШКИД. Очерк жизни и творчества Л. Пантелева. Л.: Детская литература, 1986.

18. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008.
19. Сальман Е. А. Специфика языка эпохи в контексте авторского словоупотребления (на материале публицистики М. А. Булгакова 20-х годов): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2012.
20. Смолина А. Н. Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет: дисс. ... д. филол. н. Красноярск, 2021.
21. Смолина А. Н. Интертекстуальность и особенности ее реализации в духовном письме-поучении // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 2.
22. Смолина А. Н. Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации: типология, функции, контекст // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2.
23. Смолина А. Н., Лубкина О. А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36).
24. Смолина А. Н., Смирнов Е. С. Речевой жанр «толкование на Евангелие»: идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Гладкова) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1.
25. Спицын Е. Ю. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов: в 4-х кн. М., 2015. Кн. 3. Россия – Советский союз 1917-1945.
26. Стрекалов И. Н., Емелин И. А. Отношения власти и общества в России при Николае I. Дело о поэме «Андрей Шень» А. С. Пушкина: историко-филологический анализ Ж. К. Леонова (1826-1828 гг.) // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. 2017. № 1 (25).

Информация об авторах | Author information

Лубкина Ольга Андреевна¹

¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Lubkina Olga Andreevna¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ Krasnoyarochnka@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.08.2023; опубликовано online (published online): 05.09.2023.

Ключевые слова (keywords): интертекстуальность; цитата; аллюзия; реминисценция; детская повесть; intertextuality; quotation; allusion; reminiscence; children's novella.